

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2024.97.82.023

**Аналитика предпринимательства:
понятие предпринимательства как
аналитической структуры**

Московцев Александр Федорович

Доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента и финансов производственных систем,
Волгоградский государственный технический университет,
400005, Российская Федерация, Волгоград, пр. Ленина, 28;
e-mail: afm1951@yandex.ru

Рогов Александр Сергеевич

Аспирант,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 80;
e-mail: olgatorzhinskaya@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию предпринимательства, как развивающегося научного понятия. Основная задача состоит в формировании целостного представления о феномене предпринимательства в том виде, в котором он исторически сложился и воспроизводится в условиях современности в единстве своих структурных, функциональных, организационных и инструментальных форм. В то же время без опоры на теоретическое мышление выделить специфику феномена предпринимательства невозможно. В реальной действительности предпринимательская функция переплетена с производством, сельским хозяйством, торговлей, банковским делом и другими областями применения предпринимательства, распределена между множеством элементов экономической структуры. Поэтому и возникает необходимость в развитой теоретической позиции – мышлении предпринимательской функции в ее «чистоте», т.е. в отвлечении ото всех сопутствующих этой функции элементов или абстракции чистого предпринимательства, сформировав и зафиксировав которую со всей определенностью, удастся открыть путь для дальнейшей конкретизации или детализации понятия предпринимательства. Как мы могли убедиться, понятие предпринимательства как аналитическая структура ни в одном пункте своего движения, как и в итоговых своих результатах, не выстраивается в виде завершённой структуры с фиксированным набором элементов. Обобщающая, синтетическая аналитическая структура понятия предпринимательства имеет скорее составной вид. Она выстраивается в непосредственной связи с движением самого понятия предпринимательства. Разные стадии движения развивающегося понятия предпринимательства создают необходимость и в разных элементах его аналитической структуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Московцев А.Ф., Рогов А.С. Аналитика предпринимательства: понятие предпринимательства как аналитической структуры // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Том 13. № 12А. С. 216-238. DOI: 10.34670/AR.2024.97.82.023

Ключевые слова

Предпринимательство, рынок, функции предпринимательства, аналитическая структура, научное понятие, феномен, аналитическая структура, предпринимательская деятельность.

Введение

Аналитический угол зрения на предмет исследования и его структурирование естественным образом вытекают из понимания природы понятия. Хотя выбор аналитических процедур исследования может иметь и некоторое относительно самостоятельное значение.

В большинстве научных контекстов, когда речь заходит о понятии предпринимательства, его рассмотрение, как правило, останавливается на определении этого понятия, которое, в свою очередь, сводится к перечислению признаков изучаемого феномена или, в лучшем случае, к их анализу, который, к тому же, крайне редко доходит до выявления существенных признаков. А поскольку понятие при этом берется как «готовое» или завершенное, а значит и однозначное, пригодное в таком виде для любых условий, постольку подобный анализ никогда не сможет выйти за рамки чисто формальной плоскости – выявления логических связей между «словами», «терминами», «структуры суждений», дескриптивных цепочек связей. Само же определение рассматривается как некоторая логическая операция. Исходная позиция – природа понятия – такой логической операцией принципиально измениться не может, даже если определение понятия основывается на установлении родовидовых отношений, т.е. предпринимательство представляется как вид некоторого более широкого рода, например, человеческой деятельности вообще.

Неограниченные возможности для свободного «навешивания» признаков предпринимательства дает позиция отождествления понятия и феномена предпринимательства. При такой позиции понятие берется «метафизически», в виде простого представления, непосредственно вытекающего из «живого созерцания» изучаемого предмета, «такого, как он есть»: формулирую в виде признаков феномена то, что наблюдаю в условиях данных места и времени. Здесь может пригодиться разве что процедура индуктивного обобщения, чтобы подняться от простого представления на уровень общего представления. В непосредственном восприятии предмета его существенные признаки не отделены от признаков несущественных. И отделить их друг от друга не удастся, поскольку в непосредственном восприятии отсутствуют для этого критерии. Точно также не дает критериев для подобной дифференциации и формально-логический анализ готового понятия. При условии следования в русле использования готовых определений предпринимательства независимо от их происхождения или при опоре на «моментальные снимки» этого феномена, никакой необходимости в поисках специальной аналитической структуры, кроме правил формальной логики, не должно возникать: ни внутри этих определений, ни, тем более, для построения понятия предпринимательства с помощью перечисления его признаков.

Основная часть

Если учитывать двойственность функции понятия или «действительную функцию научного понятия» [Арсеньев, Библер, Кедров, 1967, 36], то понятие предпринимательства может быть представлено и другим, нетривиальным способом, а не просто в виде термина и его формального определения. Понятие в науке одновременно выступает и как определение завершённой системы знания – в идеале замкнутой и статичной теоретической структуры, которая требует комплекса определений; и вместе с тем как момент процесса познания, орудие, инструмент или средство познания, форма движения мысли по предмету исследования, результатом которого и является теоретическая система.

«Нельзя стать настоящим ученым, нельзя по-настоящему заниматься научным исследованием, – замечает в этой связи Г.П. Щедровицкий, – если не научиться смотреть на свои понятия как на орудие и средства работы», «как средства непрерывного и непрестанного движения», «как то, что непрерывно перестраивается или видоизменяется» [Щедровицкий, 2003, 225-226].

Образование или формирование собственно понятия, а также его развитие, только и происходит в процессе научно-познавательной деятельности, в случае включения деятельного познавательного отношения субъекта этой деятельности к его реальному объекту. Вне подобного соотнесения понятия и действительности, т.е. вне отношений познания, понятие вообще теряет смысл, свое реальное содержание [Арсеньев, Библер, Кедров, 1967, 35]. Ведь только опираясь на представление понятия в качестве момента движения познавательной мысли, можно надеяться на получение в бесконечной перспективе всестороннего знания об объекте, во всей его целостности, «во всех связях и отношениях», что означает на деле понимание этого объекта. Символом же понимания объекта является сам термин понятия. Образовать понятие или иметь понятие о предмете – значит «видеть» его внутренним взором, построив мысленно целостный предмет. Рассматриваемый способ представления понятия уже не требует специальных определений через перечисление признаков предмета, даже самых существенных. Определения предмета образуются естественным образом в ходе познавательного движения исследовательской мысли по предмету исследования, т.е. в процессе образования понятия. Такой подход к понятию требует знания сущности предмета, принципа или основного закона его движения, а не просто совокупности признаков.

Процесс познания предмета и образование понятия не является одномоментным актом. Этот процесс – движение понятия – имеет свою логику и структуру. Например, Н.К. Вахтомин «узловые пункты» движения понятия представляет в виде двух этапов. «Это, во-первых, переход в познании от явления к сущности и, во-вторых, переход от сущности к явлениям» [Вахтомин, 1963, 140]. Э.В. Ильенков общую логику познания характеризует как движение мысли от абстрактного к конкретному [Ильенков, 1960]. Этот же процесс может быть рассмотрен и как «процесс превращения понятия» [Арсеньев, Библер, Кедров, 1967, 28], или представлен в виде «универсальной операции человеческого познания», такой как «обоснование» знания [Грязнов, Дынин, Никитин, 1973, 60].

При любом варианте анализа развивающегося понятия на разных этапах и в разные моменты своего движения научное понятие выглядит по-разному. В первоначальном виде оно выступает как исходное, бедное деталями, абстрактное определение сущности предмета. При дальнейшем продвижении анализа понятие начинает выступать как все более конкретное, многократно расчлененное, богатое деталями понятие, развивающееся, в конечном итоге, в

теорию. Правда, и в первом и во втором случаях научное понятие характеризуется одной и той же потенцией конкретизации, бесконечного уточнения; и вытекающей отсюда возможности достижения полного, всестороннего знания предмета.

Еще большее разнообразие элементов научной аналитики обнаружится, если попытаться рассмотреть движение понятия в разрезе выделения используемых процедур научного мышления, которые обеспечивают это движение: абстракция, конкретизация, обобщение, формализация, идеализация, обоснование, объяснение, интерпретация и т.д. То, что данные процедуры находятся в зависимости от принятых этапов движения понятия и должны соответствовать познавательным задачам, решаемым на этих этапах, – это вряд ли вызовет возражения. Однако уже определение последовательности их применения сопровождается дискуссиями. И совсем неоднозначным признается решение проблемы взаимосвязи и субординации данных процедур, детализации каждой из них, выяснения более конкретных и тонких механизмов действия этих процедур. Все эти проблемы решаются в отсутствие общей гносеологической теории, которая позволяла бы нормировать весь процесс научного исследования, в том числе и отдельные научно-исследовательские процедуры.

Установив основной процесс – процесс движения понятия – приходится признать далее, что его структурирование может происходить при помощи аналитических разрезов по разным основаниям и в отсутствие одной-единственной или основной, общепринятой аналитической структуры конкретного понятия, того же предпринимательства, построенного по какому-либо общему лекалу. Действительное образование научного понятия, скорее всего, есть конкретно-исторический процесс развития науки со многими изгибами. Поэтому понятие и невозможно «исчислить» по какой-то одной заданной схеме. В этом движении «способ определения понятий, их понимания, анализа их содержания» (по Библеру В.С. и др.) или «методологическая рефлексия» (по Щедровицкому Г.П.) «все время отрывается от тела самого понятия» [Арсеньев, Библер, Кедров, 1967, 64]. При этом целостность и непрерывность познавательного процесса сохраняются благодаря цельности и непрерывности этого неделимого и растущего – знаниевого – компонента научно-теоретического мышления. Все движения познающей мысли, структурирующие основной процесс – логические, методологические, рефлексивные, собственно гносеологические, в виде средств, методов, инструментов, разрезов и др. – совершаются в контексте движения содержания и имеют смысл только в этом контексте, в связи с ним.

Г.П. Щедровицкий предлагает рассматривать мышление – «цельное движение по содержанию мышления» – «как связку между двумя плоскостями – формой и содержанием» и представлять процессы, происходящие «в каждой из них как особые, со своим темпом и своей особой логикой» [Щедровицкий, 2003, 308]. Подобная связка происходит наиболее тесным и адекватным образом при условии «свертывания» «результатов методологической рефлексии в прямое и непосредственно работающее знание» [там же, 289], самодвижение или самоопределение понятия в силу собственных внутренних противоречий. И, напротив, включение методологической рефлексии, обретение ею самостоятельности, всякий раз приостанавливает процесс развития понятий, вырывает их «из логического контекста, т.е. лишает их смысла и содержания» [Арсеньев, Библер, Кедров, 1967, 64].

В свою очередь, тело понятия по мере его превращения в «готовое» знание, загорживает собой все аналитические процедуры, средства, методы и разрезы, которые привели к его появлению. Достижение понятием этой ступени своего движения, пусть и промежуточной, свертывает или снимает все аналитические наработки, делает их ненужными для данного

состояния знания, относя их в лучшем случае к прошедшему движению познания. Понятие в виде достигнутого знания, как результат познания несет в себе в скрытом виде все конкретные мыслительные процедуры, которые привели к его получению. Но любая остановка в движении научного понятия вновь и вновь актуализирует значение методологической рефлексии, стимулирует поиск и разработку соответствующих аналитических структур, необходимых для продолжения этого движения.

Следовательно, необходимость поиска, выстраивания и относительно самостоятельного существования аналитических структур научного исследования возникает только в связи с движением научного понятия и для обеспечения этого движения. Пока движение происходит, имеет смысл и существование подобных структур. Анализ любого движущегося понятия или процесса образования понятия в его целом в качестве общей закономерности охватывает как формирование, так и развитие уже образованного, имеющегося в наличии в своем первоначальном виде, относительно готового понятия, которое происходит в процессе использования полученного знания как средства или инструмента для дальнейшего наращивания знания. Поэтому и заявленную основную линию нашего исследования – анализ развивающегося понятия – следует поместить в контекст движения конкретного научного понятия – предпринимательства, учитывая неизбежный характер превалирования аналитического аспекта в процессе формирования этого научного понятия и первостепенное внимание к аналитической составляющей научного мышления на всех стадиях его развития в силу самой заявленной для исследования проблемы.

Во-первых, в самом начале познавательного движения мы понятие предпринимательства специально, т.е. совершенно сознательно, представляем не совсем в обычном ракурсе – в виде аналитической структуры, которую еще предстоит или найти, или построить. Тем самым мы занимаем определенную научно-познавательную позицию. Очевидно, что при таком подходе «предпринимательство» приобретет очень неопределенный и абстрактный вид, который существенно будет отличаться от того, какой оно имеет при обычном, «традиционном» взгляде. Что это за «нетрадиционный» взгляд? Быть может, мы надеемся, он откроет некую недостижимую при прежних подходах «подлинность» предпринимательского существования? В чем, собственно, состоит необходимость рассматриваемой позиции и в каких ситуациях без нее не обойтись? И какие научно-познавательные действия следует предпринять, чтобы не просто продекларировать, а действительно «завоевать» подобную позицию? В качестве предварительных рассуждений, мы установили, что данная позиция – анализ развивающегося понятия предпринимательства. И, по меньшей мере, в двух ситуациях аналитическая структура этого понятия имеет самостоятельное существование. Первая из них возникает, когда самого понятия еще нет в наличии, оно только формируется. Тогда аналитическая структура может действительно доминировать при определении понятия. Вторая ситуация – ситуация «работающего» понятия предпринимательства, когда само сформированное понятие действует как аналитическая структура для объяснения явлений действительности или ситуация применения понятия.

Поскольку же речь идет о неких «аналитических структурах», постольку для их выстраивания потребуется не просто установить особый «аналитический взгляд» на уже обозначенную и в некоторой степени известную область знания или предпринять в отношении к ней отдельные, отрывочные, не связанные друг с другом «аналитические» действия. Для этого придется организовать систематические и осмысленные действия, которые и должны привести в конечном итоге к искомым «структурам». И, наконец, следует выяснить, из каких элементов

состоят эти структуры и как они действует, для решения каких задач используются, в чем состоит их основное функциональное назначение? На все названные вопросы придется ответить, чтобы в полном объеме реализовать заявленную выше позицию.

Во-вторых, рубрика аналитики используется в исследовательской практике очень широко и во множестве контекстов и поэтому распадается почти на такое же количество аспектов и оттенков. Зачастую анализ рассматривается как универсальный метод познания и синоним научного знания.

То, что мы понимаем под аналитикой всегда инструментально, выступает как инструмент или набор инструментов научно-познавательной деятельности, как ее методы и средства, но никогда не фигурирует в качестве цели. В связи с этим она включает в себя и уже добытое, действующее, «готовое» знание, используемое для дальнейших научных исследований или для объяснения событий реального мира. А потому аналитика зависит от поставленных целей, решаемых задач и проблем, познавательной ситуации, этапа развития научного знания, от любой другой конкретики научно-познавательной деятельности, включая понимание смысла этой деятельности ее субъектами, степень их «сознательности». В продолжение данной мысли, предпринимательство как аналитическая структура также есть некоторый инструмент, имеющий конкретное функциональное назначение, например, объяснение функционирования и развития рынка, его структурной перестройки, раскрытие сущности предпринимательства, упорядочение определенного массива эмпирического материала или же решение иных задач. Не случайно аналитика зачастую идет рука об руку с эвристикой. Аналитика эвристична, когда используется как средство для открытия нового, получения нового знания [Московцев, Юрова, 2008, 91-94].

В-третьих, такая аналитика, выступая инструментом научно-познавательной деятельности, имеет в то же время конструктивный и сознательный характер. Благодаря ее конструктивности научно-познавательная деятельность приобретает вид продуктивной и логически последовательной деятельности по конструированию элементов научного знания. Конструктивность научного аппарата проистекает из самой природы научного знания. На определенной ступени своего развития – теоретической – наука на место непосредственной связи со своим реальным объектом ставит связь опосредованную и обращается с изучаемым эмпирическим материалом с помощью так называемых идеальных (абстрактных) объектов, сконструированных самой наукой. Непосредственным объектом научного исследования при этом становится не сам реальный мир или его отдельные фрагменты как таковые, а свойства и отношения этого мира, выделенные человеком. В этих условиях прямое и однозначное соотнесение теоретических положений с какими-либо их подтверждающими или опровергающими эмпирическими данными становится невозможным.

В противоположность реальному объекту, которому «присуще бесконечное число признаков» идеальный объект обладает «жестко фиксированным и ограниченным набором признаков» [Степин, 2006, 158]. В результате идеализации изучаемый феномен представляется в «чистом виде», в котором концентрируются его характерные, специфические свойства [Зотов, 1973, 77]. «Познавательная система тем более рациональна, – следующим образом формулирует созвучную нам позицию один из авторитетных отечественных специалистов в области теории научно-познавательной деятельности, – чем менее она обращается к внешним факторам, ограничиваясь в ходе описания и объяснения мира лишь собственными объектами – теми, которые она непосредственно изучает» [Грязнов, Дынин, Никитин, 1973, 5].

Создание идеальных объектов – вершина аналитической активности науки, которая помимо

идеализации включает абстрагирование, формализацию, моделирование, интерпретацию, аксиоматический метод. В результате деятельности по «активному, мысленно-идеальному преобразованию самого предмета» и объекта науки [Мамардашвили, 2011, 25] формируется соответствующая «структура сознания», которая предполагает «определившегося» в своей научно-познавательной позиции субъекта [Мамардашвили, 2010, 35]. Как раз в отсутствие подобного субъекта естественным образом развивается «методифобия», «печальным следствием» которой являются «посредственные методологические навыки большинства экономистов» [Блауг, 1994, 53]. В этой ситуации лишены большого смысла усилия по созданию и совершенствованию аналитического аппарата науки, включающего и его концептуально-методологическую составляющую. Именно ставший сознательным субъект и осознавший себя таковым решает, на какие аспекты изучаемого объекта следует обратить внимание, что относится к его существенным свойствам, а что имеет вспомогательный и производный характер и от чего, следовательно, можно абстрагироваться.

Структура сознания определившегося субъекта, кроме поддерживающих его конструктивную активность элементов, включает еще один элемент в виде самосознания или «рефлексии», контролирующей подобную деятельность сознания, критически относящейся к ней. «Наука, – по тонкому замечанию Н.И. Кузнецовой, – это «система с рефлексией». Рефлексия не просто сопровождает научное исследование, она есть необходимое условие и обязательный компонент исследовательской деятельности» [Кузнецова, 1982, 7]. И она связана как раз с конструктивной деятельностью субъекта научного познания по «изготовлению» предмета науки с помощью идеализации, абстрагирования и пр. Вне активности субъекта нет и знания внутренних связей и сущности объекта исследования. Но подобная активность имеет и свою естественную цену: условность и незавершенность получаемого при ее помощи научного знания, пределы его осмысленного применения.

Очевидно, что, используя свою аналитику, наука получает «прямой» доступ только к некоторым фрагментам изучаемой реальности, на которые чаще всего указывают наиболее развитые и значимые практики, сложившиеся на данный момент времени. И добывается при этом полного и точного знания внутреннего устройства именно этих фрагментов, никогда не достигая такого же знания всего целого, реальности как таковой, например, того же феномена предпринимательства в целом. Сосредоточившись на «главном», «существенном» наука неизбежно теряет из вида те фрагменты действительности, которые признаются несущественными, имеющими вспомогательное значение. Познание последних фрагментов ставится в зависимость от познания сущности. Получив доступ к «реальности» с помощью сущности, наука превращает свое знание сущности в основной инструмент деятельности. Теоретическая наука видит и знает целое изучаемого феномена, но не как таковое, а опосредованно, через призму идеального объекта и своего понимания сущности.

Конечно, никогда и ни при каких условиях наука не сможет получить абсолютно бесспорное знание о внешних объектах. Но обоснованности знания наука добывается, выявляя и анализируя все явные и неявные его предпосылки, которые только и могут показать условия применения и истинности этого знания. В отсутствие рассматриваемых предпосылок теряют свое значение и все развиваемые наукой положения, как и любые другие ее претензии. «Исчерпывающее описание и определение всех условий и допущений, при которых разнообразные утверждения претендуют на обоснованность» – так видит «первую задачу любого научного исследования» один из родоначальников австрийской школы экономической мысли Л. Мизес [Мизес, 2000, 10]. На самом деле это не просто «первая задача», но и основная,

пронизывающая все исследование, его задача, поскольку основной вопрос, на который наука должна дать ответ – это вопрос о смысле ее построений, о том, как ее утверждения соотносятся с изучаемой реальностью, – действительным предметом ее «мысленного понимания». По известному выражению другого классика экономической мысли К. Маркса: реальное общество, как объект исследования, должно «витать в представлении» как неустранимая, на протяжении всего исследования предпосылка. В связи с этим, любые операции, включаемые в научно-познавательную деятельность, могут иметь смысл лишь в контексте определенных предположений о реальной природе исследуемых объектов [Лекторский, 1980, 204].

Постановка вопроса о смысле научной деятельности и ее предпосылках открывает новую сферу деятельности аналитика, продвигая сферу его интересов и внимания до анализа «предположений о реальности». Ведь не решив задачу определения «реального контекста», теряют свое значение любые построения науки, в том числе перестает работать и большая часть ее аналитики. В таком случае познающий субъект перестает быть аналитиком или, по меньшей мере, в значительной степени теряет свои аналитические качества. Аналитическая структура познающего субъекта получит свою предельную глубину, если в ее основание положить анализ идеального объекта, процедур его получения и соотношения с исследуемой реальностью. Овладение этой структурой – аппаратом сознания – одновременно будет означать и полное развитие структуры его сознания, сознательного отношения к научно-познавательной деятельности и изучаемой реальности.

С появлением в системе научного знания идеальных объектов ее аналитическая структура впервые приобретает относительно самостоятельный вид. Идеальные объекты принадлежат к специальному – «обосновывающему» – слою науки. Не столь важно при этом функционируют ли они в плоскости самого научного знания или рассматриваются как чисто познавательные средства, «априорные формы познания» (И. Кант). В любом случае этот элемент науки как раз образует «витающую в сознании предпосылку», действующую как важнейший конструктивный фактор научно-познавательной деятельности, ее стимул и ориентир [Швырев, 1988, 60, 68].

В философии знание о конструировании идеальных объектов и предположений о реальности относится к онтологии. Онтология занимается анализом «исходных содержательных или аксиоматических оснований научного знания» [там же], того, что рассматривается в позитивной науке в качестве «отправных утверждений о мире», «предпосылок», «предположений», «условий», «гипотез», «постулатов», «позиций внешнего наблюдателя», «первого отношения мысли к «объективности»» (Гегель) и др. Поскольку окружающий мир или реальность по традиции описывается в онтологии совокупностью предметов или объектов, постольку с их помощью наука устанавливает свое видение «объектной расчлененности» [Лекторский, 1980] изучаемой реальности, свою онтологию. Основная задача онтологии любой теории – определиться с типом реальных объектов, т.е. «совокупностью объектов, существование которых предполагается теорией» и которые она собирается исследовать [Печенкин, 1996, 35].

Утверждать же о существовании совокупности некоторых объектов и устанавливать тем самым тип изучаемых реальных объектов, это значит одновременно определиться и с идеальными объектами науки. Идеальные объекты, в конечном счете, – это «исправленные» реальные объекты, представленные в виде своего «типа», в котором они доведены до своей чистоты и специфической определенности, до всеобщей формы своего выражения. За всеобщей формой стоит при этом понятие, содержание которого исчерпывающим образом описывает рассматриваемую объектную область. В этом смысле онтологическая сфера как совокупность

идеальных объектов есть, по выражению М.К. Мамардашвили, «область отношений полноты и совершенства», «закрывающая в себе некоторый мыслимый или воображаемый элемент» [Мамардашвили, 2012, 29].

Указанный «воображаемый» элемент вносит в научно-познавательную деятельность ее субъект, производящий идеализацию изначально многозначного реального объекта. При этом данный элемент может обозначаться и как «система познавательных координат», и как «видение реальности», «картина мира», «парадигма», «онтологическая схема», и др. Основное назначение рассматриваемого элемента – постулирование позиции субъекта в виде содержательных предположений о том, какой представляется ему окружающая реальность и какое место в ней занимает изучаемый объект. Именно таким способом в анализ вводится «объектная расчлененность» реальности.

Согласно известному американскому философу и логике У. Куайну, произвести идеализацию реального объекта и тем самым ввести его в научное рассмотрение, возможно лишь установив «некоторую систему координат» [Куайн, 2012]. Вне этой системы координат всякое утверждение о существовании реальных объектов является бессмысленным. Он постулирует изначальную «непознаваемость и непрозрачность референции», т.е. стоящих за любым используемым термином реальных объектов. Системой отчета, придающей смысл референции, по Куайну, может служить другая теория, которая в этом случае используется как модель для строящейся теории. По другим утверждениям конструктивными факторами идеализации служат: более «широкая (фундаментальная)» или более «развитая» теория, представленный в обобщенном виде «социально-культурный контекст», «идеологии», «парадигмы», «доминирующие на данный момент практики», «тенденции развития», «результаты прошлого познавательного опыта», «ассимиляция получаемой эмпирической информации» и др.

Учитывая имеющийся опыт теоретизирования, прежде всего австрийской экономической школы (Хайек Ф., Мизес Л., Кирцнер И. и др.), представим реальный мир, экономическую реальность общества в виде континуума рынков и рыночных практик. В нашей исходной позиции, которую в наиболее отчетливой форме развивает И. Кирцнер, предпринимательство есть ключевой, движущий элемент функционирования рынка. И сущность предпринимательства может быть раскрыта только в рыночной системе координат. Рыночный контекст выбирается, как основной и неустранимый для понимания предпринимательства. Специфика предпринимательства дана вместе с его рыночным функционированием и вне этого функционирования ему отказывается в существовании. Наша позиция остается непреклонной, несмотря даже на возможное разнообразие потенциальных предпринимательских функций, включающих в свое действие и нерыночные элементы, которые даже могут преобладать. Но подобная, «смешанная» предпринимательская практика требует для своего понимания или построения других теоретических моделей, или все-таки подлежит рассмотрению в рыночной системе координат при условии представления нерыночных элементов в качестве вспомогательных или дополнительных факторов. Данная тема подлежит развитию в другом месте.

Основная идея состоит в рассмотрении в неразрывной связи рынков и предпринимательства. Постулируя рыночную реальность и утверждая тем самым существование всеобщего рынка, мы одновременно представляем рыночный процесс в виде предпринимательского процесса. Соответственно, предпринимательство при такой постановке проблемы выглядит как континуум соответствующих рыночных предпринимательских

практик, с помощью которых поддерживается весь рыночный процесс. Не вводя в научную позицию определенную систему координат, в данном случае – рыночную, – невозможно определиться и с сущностью предпринимательства.

Совершенно очевидно, что ценность основной идеи определяется реальной распространенностью рыночных практик, действительной их всеобщностью. Выбор общей (онтологической) схемы, всегда предполагает возможное множество реальных контекстов, к которым следует приспособиться и освоить, согласовав со схемой. Утверждая всеобщность рыночных практик в идее – идее всецело либеральной, – необходимо считаться с актуальной реальностью, текущими и перспективными практиками. И в идее, и в политике, конкретных практиках (социальных и экономических) либерализм сегодня подвергается серьезной критике. Однако, учитывая, что значительная часть общественной жизнедеятельности уже превращена и продолжает превращаться в разновидности рыночной деятельности, следует признать наличие у концепции либерализма глубоких жизненных корней, которые подлежат более глубокому осмыслению в контексте современности.

Одна из самых известных и продвинутых попыток подобного критического осмысления принадлежит американскому социологу И. Валлерстайну. «Капиталистическая микроэкономика столь настойчиво следовала своей логике бесконечного накопления капитала, – пишет ученый, – что стала приближаться к своему идеалу – превращению всего и вся в товар. Мы можем наблюдать, как это отражается во множестве социальных реалий: расширение механизации производства; снятие пространственных ограничений на обмен товарами и информацией; дерурализация мира; приближающееся истощение экосистемы; высокий уровень охвата процессов труда денежными отношениями; консьюмеризм/потребительство (то есть громадные масштабы превращения в товар самого процесса потребления)» [Валлерстайн, 2003, 247]. В этот остающийся открытым перечень товарных социальных реалий сегодня в России особенно интенсивно добавляются разнообразные элементы культуры, образования, здравоохранения, науки, коммунального хозяйства и др. Другой неожиданный вариант современного проявления торжества либерального идеала – «патриотический либерализм» [Тарло, 2015, 1, 3]. Очень удивительные заявления в условиях нынешнего «торжества» консерватизма.

В развитие современного звучания либеральной идеи особенно весомо и убедительно для нас выглядит заявление В. Фадеева в его бытность главного редактора «Эксперта» о том, что сегодня «...мы и есть истинные либералы», подчеркивая при этом, что либеральная ориентация журнала поддерживалась на протяжении всей его 20 – летней истории [Фадеев, 2015, 8]. Для редакции ж. «Эксперт» экспансия рынка в социальную сферу есть оборотная сторона «полного исчерпания» тренда на создание государства всеобщего благосостояния, который был одним из главных двигателей мирового развития на протяжении 60 после окончания 2-й мировой войны. Поэтому и новые идеи для экономического развития придется искать, судя по всему, ориентируясь на «перспективы рынков», которые не могут не рождаться в лоне либерализма. Все это убеждает нас в основательности выбора рыночной системы координат для определения сущности предпринимательства и видения «объектной расчлененности» реальности с этой позиции. А с формированием «предпринимательского общества» понятие предпринимательства и вовсе становится «практически истинной категорией» (К. Маркс), логически завершая тренд рыночной экспансии в общественную жизнь [Друкер, 1992, 3-29], рыночного оформления элементов общества.

Рыночное видение предпринимательства формирует самое понятие предпринимательства.

Определенная «онтология ума» здесь сопрягается с определенной «онтологией мира» [Мамардашвили, 2010, 13]. В понятии предпринимательства, таким образом, одновременно задаются и его «объекты», «объектное членение реальности», в виде всего многообразия рыночных предпринимательских практик, и основной способ выделения этих объектов в составе реальности – рыночная система координат; одновременно конструируются и его форма – всеобщая и специфическая, – и содержание в виде континуума предпринимательских рыночных практик. И вне этого или подобного способа видения реальности не может быть сформировано и понятие предпринимательства: ни его сущность, ни всеобщая и специфическая форма предпринимательства, ни другие его формообразования. Аналитическая структура предпринимательства в виде рыночного образа реальности поэтому включена в теоретическое понятие предпринимательства и только в абстракции может быть отделена от него.

«Мы одновременно ухватываем предмет в той мере, в какой мы вместе с ухватываемым или мысленно видимым предметом ухватываем и ту схему, посредством которой этот предмет давался сознанию», – замечает в этой связи М.К. Мамардашвили [там же, 17].

Для науки эксплуатируемый ею образ реальности имеет не меньшее значение, чем теория ее предметной области. Наука развивается благодаря тому, что разрабатываются «все более совершенные, более широкие и глубоко проникающие в реальность научные образы действительности» [Швырев, 1988, 22]. Каким, например, может быть понятие предпринимательства вне принятой в данной работе рыночной системы координат – это, как раз, вопрос об альтернативных картинах реальности и моделях предпринимательства. Более глубоко проникающей в реальность альтернативой «чисто» рыночному предпринимательству или «исправляющей» его может служить только такое видение, которое сформирует более универсальный взгляд на феномен предпринимательства и откроет более широкие горизонты применения его понятия. Можно, например, предположить, что в качестве альтернативы «чисто» рыночному предпринимательству будут разрабатываться «чисто» «человеческие», проектные и инновационные модели предпринимательства.

В связи с этим возникает вопрос об уместности рассмотрения, скажем, новейших форм социального и государственного предпринимательства с чисто рыночных позиций. Очень заманчиво было бы посмотреть на эти и любые др. «проблемные» формы предпринимательства, в том числе и потенциальные, возможные в будущем, например, с высоты некоторой универсальной и абсолютной системы координат. И на этой основе сформировать понятие предпринимательства безо всяких «умственных» ограничений, понятие предпринимательства вообще, без любых оговорок, которое бы имело значение для всех локальных координатных систем. Правда, М.К. Мамардашвили, критически оценивая подобные попытки, напоминает, что за любой новой научной позицией стоит «другая реальность», «требующая иных средств мышления» [Мамардашвили, 2010, 24], иной аналитической структуры для разрабатываемого понятия. Поэтому без умственных затрат на аналитику здесь все равно не обойтись.

Идею подобной системы координат в виде «всеобъемлющей теории человеческой деятельности» Л. Мизес заложил в основание своей «экономики» – «трактата по экономической теории». Согласно его позиции, «ни одна экономическая теорема не может считаться обоснованной, если она очевидным образом» не будет связана с категорией человеческой деятельности «неопровержимой цепочкой рассуждений» [Мизес, 2000, 68]. И деньги, и цены, и рынки, и предпринимательство, как и все др. экономические категории, должны теперь мыслиться в этом широком деятельностном контексте. Нет никаких сомнений в полезности такого рассмотрения. Оно имеет, прежде всего, эвристическое значение и позволяет исправить

ставшую одиозной схему «экономического человека», скорректировать традиционный взгляд на функционирование рынка, который игнорировал ключевую роль предпринимателя в этом процессе. «Доминирующая теория, – замечает в этой связи И. Кирцнер, продолжая линию Л. Мизеса, – придавая особое значение одним свойствам рынка и игнорируя другие, создала мысленную картину рынка, которой не хватает ряда компонентов, особенно важных для понимания его функционирования» [Кирцнер, 2001, 13].

Однако замысел Л. Мизеса представить оснащенную «праксиологией» экономическую теорию в виде «науки о любом виде человеческой деятельности» [Мизес, 2000, 7], который мы никак не можем поддержать, все же далеко выходит за рамки формирования более широкого контекстного взгляда на экономику. Заточенная на каталлактику теория, на наш взгляд, никак не может служить наукой обо всей человеческой деятельности. Прежде всего, категория деятельности для большинства ее отечественных разработчиков является ключом к осмыслению специфически человеческого в человеке. А модель экономического выбора – «дружеский» или «не очень дружеский» шарж на человека, – но ни в коем случае не его адекватная модель. Она может быть полезной лишь для объяснения некоторых существенных свойств человека на определенной и ограниченной ступени развития человечества, да и то не любой его части. Кроме того, деятельностный подход «как раз характеризует попытку теоретического объяснения большого круга человеческих феноменов, которые до сих пор представляют трудность для понимания», а не только рынка и других экономических проблем [Лекторский, 1990, 356]. Не определившись с этим кругом человеческих феноменов и не увидев хотя бы контуры целого человеческой деятельности, никак невозможно выработать представление о сущности деятельности и ее теоретическое понятие.

Никому пока в теории не удалось убедительно представить единство общечеловеческого и предпринимательского. А предпринимателей показать как представителей особого рода человечества, концентрирующих и олицетворяющих в своей фигуре некоторые уникальные общечеловеческие качества. У самого Мизеса при сопряжении «чисто» экономического с «чисто» человеческим и деятельностным побеждает «чисто» экономическое, а точнее, каталлактическое, рыночное. Только «в рамках теории рыночной экономики» термин «предприниматель» «является строгим понятием» и «обозначает четко интегрированную функцию» [Мизес, 2000, 61]. В любом случае первоначально приходится определить, что есть «предпринимательское» и только разобравшись с «предпринимательским», затем искать и находить его свойства среди бесконечного количества человеческих свойств, как существа универсального. Можно сколько угодно раз повторять, что предприниматель – это человек, например, действующий и имеющий дело с «неопределенными обстоятельствами будущего» и поэтому «его успех или провал зависит от предвосхищения будущего» [там же, 274]. Но, постулируя его рыночное функционирование, следует признать, что именно рынок диктует, какие человеческие качества будут востребованы в его движении, а в каких нет необходимости или они необязательны. То же самое «предвосхищение будущего» или, по Мизесу, «спекуляция», выглядит через призму рынка совсем иначе, чем в «простой жизни». «Предприниматель – это человек, действия которого ориентируются на изменение рыночной информации», – подчеркивает Л. Мизес [там же, 240]. И что бы этот «человек» в мыслях не воображал себе или о себе из «рынка» ему не выбраться, от рыночного функционирования не избавиться. Не случайно поэтому и предпринимательскую сущность и Мизес, и Кирцнер видят в выполнении предпринимателем арбитражной функции, покупке товаров по одной цене и продаже по другой, в результате которой происходит получение прибыли, выравнивание цен, установление единой

цены на товар и равновесия на рынке. И наша позиция видения сущности предпринимательства не отличается от их версии. Для любых проявлений предпринимательства характерна, на наш взгляд, коммерческая направленность этой деятельности, которая должна быть сопряжена с другими полезными для общества ее результатами.

В-четвертых, содержание и структура научной аналитики в решающей степени определяются существующей познавательной ситуацией, конкретикой научно-познавательной деятельности и, в конечном счете, состоянием научного знания в целом, этапом его развития. В связи с этим система научного знания каждой научной дисциплины является гетерогенной [Зотов, 1973, 157]. В любой момент времени в ней всегда обнаруживаются различные элементы знания: эмпирические факты, эмпирические правила, научные понятия, законы и закономерности, принципы, гипотезы, постулаты, теории различного типа и степени общности и их идеализированные объекты и т.д. И самое главное, в связи с гетерогенной структурой знания в этой системе воспроизводятся разные подходы к построению и развитию научного знания.

Первый подход и, связанный с его доминированием, полюс научного развития, в соответствии с проводимым в философии гносеологическим анализом знания обозначается как «наивно-реалистический». За ним стоит естественно складывающееся в большей части научного сообщества, особенно «эмпирически ориентированного», мировоззрение, основанное на уровне инстинкта убеждение в том, что любое научное знание – это знание непосредственно о самой действительности, о вещах и процессах, с которыми мы сталкиваемся в реальной жизни. Это и есть позиция «наивного» отождествления содержания знания с эмпирическим, непосредственно наблюдаемым объектом, которая предопределена отсутствием четкого разграничения содержания знания и отражаемой реальности, невыделенностью как такового, самостоятельного объекта научного исследования.

«Реалистически» настроенный субъект познания повсюду ищет и находит преимущественно видимые и доступные для непосредственного восприятия проявления изучаемого фрагмента реальности. Его вполне удовлетворяет видимое или видимость в изучаемых феноменах. И ни К. Маркс, ни М. Фридмен не смогут убедить подобных субъектов своими научными образцами в том, что смысл науки в открытии за «обманчивой видимостью» внутренних связей, законов движения и сущности объектов познания. Подобные видимостные, «ходячие» (К. Маркс) формы мышления, например, для предпринимательства доминируют в современном его понимании. Они выдаются за непосредственные явления предпринимательства, даже не удостоверившись в наличии в их содержании специфически предпринимательского – сущностного – элемента. В качестве таковых используются: все правовые формы предпринимательства, в том числе относящиеся к индивидуальному предпринимательству, проходящие, тем не менее, под «экономической» рубрикой; собственнические проявления предпринимательства; малый и средний бизнес в любых своих проявлениях; инновационная деятельность; лидерство и формы неординарной человеческой активности, предприимчивости; управление фирмой (особенно высшее); большинство аспектов коммерческой деятельности предприятия; создание нового бизнеса; все проявления риска и ответственности практически на любом уровне иерархии; проектный бизнес и др.

Рассматриваемая научно-познавательная позиция воспроизводится определенной практикой научной деятельности, когда она осуществляется в рамках хорошо усвоенной и отработанной «парадигмы», накопленного базисного уровня знаний, который сложился благодаря деятельности авторитетных предшественников. Связь с базисным знанием создает

уверенность и надежные основы для строительства новых этажей научного знания, позволяя «переносить истинность с базисного уровня на все остальное знание» [Швырев, 1988, 16]. Собственно же научно-познавательная деятельность в этих случаях сводится к получению эмпирической информации, ее классификации и осмыслению в существующих познавательных нормах, которые автоматически усваиваются в ходе освоения имеющихся авторитетных научных образцов.

Здесь отсутствует сама необходимость предпринимать сколько-нибудь ощутимые сознательные усилия по овладению концептуально-теоретическими смыслами в научном знании, а именно такого рода усилия только и могут привести к освоению всего теоретико-методологического потенциала науки и созданию в пределах данной предметной области знания развитой научной аналитики.

Следует подчеркнуть, что наращивание и демонстрация научной аналитической «мускулатуры», конечно, не может представлять собой самоцель. Но в отсутствии абстрагирования, идеализации, моделирования и др. средств познания наука не только не раскроет свою конструктивную природу. Существует главная трудность, с которой не справляется наивно-реалистическая концепция науки с установкой на минимизацию познавательного аппарата. Она состоит в том, что «для большей части понятий и утверждений науки не удастся указать непосредственного референта в материальной действительности» [Грязнов, Дынин, Никитин, 1973, 21]. Это означает также отсутствие за формулируемыми понятиями точно определенного и строго однозначного содержания. От точной научной фиксации ускользает специфический элемент содержания – предпринимательская форма. Какой бы длинный предпринимательский категориальный ряд мы бы ни выстраивали, в рассматриваемой форме знания всегда останется без ответа один и тот же вопрос: а что, собственно, специфически предпринимательского есть, например, в деятельности под ярлыком «индивидуальное предпринимательство», в малом бизнесе, инновационной активности и т.д.

Как только в науке отчетливо обнаруживается, что ее основное понятие «ускользает» от научной фиксации, возникает понимание недостаточности обычных средств работы с эмпирическим материалом и необходимости включения методологического сознания, а в связи с этим и построения теоретических систем знания. Именно для теоретического подхода к изучению предпринимательства основная проблема состоит в том, что «аналитическая категория предпринимательства» является «ускользающей», а роль предпринимательства на рынке «трудноуловима» [Кирцнер, 2001, 39, 73]. «Аналитической» категория предпринимательства становится по необходимости. И именно в связи с этим и для этого и получает свою аналитическую структуру, которая не может быть взята или добыта прямо из «живой» жизни. А только и может быть построена или сконструирована с помощью использования вполне определенных исследовательских, познавательных процедур, в числе которых, как мы отметили выше, выдвижение гипотезы, идеализация, выделение сущности предмета.

Прежде всего, «ускользает» от научного определения не просто термин «предпринимательство», о содержании которого можно, например, договориться и ввести его простой конвенцией. Подобные затруднения относятся к целостному феномену предпринимательства, предпринимательской реальности как таковой. Лишь отдельные аспекты этого феномена на сегодняшний день получили научное определение. Поэтому об общем понятии предпринимательства, т.е. предпринимательстве вообще, как таковом следует говорить с большой степенью условности, используя соответствующие оговорки. Задача же «охватить

исследуемый объект в полном объеме его понятия [Швырев, 1988, 42] по силам только развитой теории.

Одна из научных традиций состоит в использовании, как уже отмечалось выше, функционального подхода к анализу природы экономических явлений. «В экономической теории, – отмечает в связи с этим Л. Мизес, – предприниматель, капиталист, рабочий и потребитель не являются живыми людьми, которых можно встретить в реальной жизни и истории. Они представляют собой воплощение отдельных функций в рамках функционирования рынка... В живом и деятельном человеке неизбежно сочетаются несколько функций» [Мизес, 2000, 238].

Целостность предпринимательского феномена современная наука пытается выразить с помощью комплекса, состоящего, по меньшей мере, из четырех экономических функций, не все из которых, сразу отметим, являются вполне или «чисто» рыночными, и каждая из которых имеет свою традицию разработки. Эти функции следующие: арбитражная, учредительная, организационная, инновационная [Московцев, Юрова, 2008]. Каковы их соподчиненность и взаимосвязи? В какой из них раскрывается сущность предпринимательства? Эти вопросы науке еще предстоит выяснить.

Авторы популярного учебника по экономической теории также пытаются постулировать без соответствующего теоретического анализа комплекс взаимосвязанных предпринимательских функций, правда, иначе формулируемых. «Мы, – констатируют названные авторы, – раскрываем специфическое значение этого термина, определив четыре взаимосвязанных функций предпринимателя. 1. Предприниматель берет на себя инициативу соединения ресурсов земли, капитала и труда в единый процесс производства товара или услуги.... 2. Предприниматель берет на себя трудную задачу принятия основных решений в процессе ведения бизнеса, т.е. нерутинные решения, которые и определяют курс деятельности предприятия. 3. Предприниматель – это новатор, лицо, стремящееся вводить в обиход на коммерческой основе новые продукты, новые производственные технологии или даже новые формы организации бизнеса. 4. Предприниматель – это человек, идущий на риск. Это следует из тщательного изучения других его функций» [Макконнелл, Брю, 1992, 77-78].

Далее, «трудноуловимость» рыночной роли предпринимательства вызывается стыками и пересечениями рыночных ролей в деятельности «живого» человека. Эта деятельность может одновременно включать роли предпринимателя, производителя, торговца, работника, капиталиста, потребителя. Кроме того, предпринимательская роль или роли неизбежно сочетаются со всеми другими рыночными и, возможно, нерыночными ролями экономических субъектов, а также просто с его разнообразными человеческими качествами. Все эти «стыки» и «пересечения» ролей в человеческой деятельности как раз и создают проблему понимания: в чем состоит собственно предпринимательство, в чем его специфика, а только понимание этой специфики и позволяет четко отделить одну роль от другой, показать, где заканчивается одна роль и начинается другая роль. Например, в течение своей жизни индивидуальному предпринимателю, являющемуся таковым согласно его правовой форме, приходится выполнять все необходимые для деятельности его предприятия функции. Какие из них являются специфически предпринимательскими, каким образом они сочетаются друг с другом? На эти вопросы также отсутствуют ясные ответы. Сформировать же понятие «чистого» предпринимательства и тем самым внести определенность в понимание предпринимательского феномена, удастся только аналитическим путем, в абстракции, ценой известных условностей, конструируя элементы теоретического знания. Лишь в немногих разделах современной

экономической теории присутствуют отдельные элементы подобного знания о предпринимательстве [Кирцнер, 2001, 17, 81-90].

Именно для теоретического сознания, как было отмечено выше, существует потребность в построении специальной аналитической структуры, чтобы с ее помощью сначала зафиксировать сущность предпринимательского феномена. А затем уже само понятие предпринимательства представить в виде единого структурирующегося и развивающегося в ходе теоретического анализа предмета, как единую предпринимательскую систему. Представить предпринимательство в виде аналитической структуры, таким образом, в конечном итоге означает дать ему развитое теоретическое понятие. В идеале «теория предмета – замечает В.С. Библер, – должна будет осознанно реализоваться как одно развитое его определение» [Библер, 1975, 199].

Одно развитое определение предмета – предельный случай построения теоретического знания. Но всегда теория, в любом своем варианте, есть обобщенное или систематизированное знание сущности объекта своего познания. В ней формулируются всеобщие и необходимые утверждения относительно всех объектов в рассматриваемой области знания, в том числе и потенциальных, перспективных, открытию которых может содействовать данная теория. Подобные утверждения придают «предсказательную и объяснительную» силу теории. Они служат основанием «широты охвата и глубины понимания» исследуемой реальности, позволяют «разглядеть» существенные связи между явлениями и установить закономерности в движении этой реальности. В конечном счете, теория представляет все многообразие эмпирических данных, разрозненных и по видимости несвязанных друг с другом «фактов» в виде «проявлений одной фундаментальной и простой структуры», объясняет «многое малым» [Фридмен, 1994, 29, 42]. Тем самым организованное в единое целое научное знание – теория – действует как аналитическая структура, «машина» для анализа или объяснения явлений.

При этом собственно теоретическое знание, опираясь на М. Фридмена и следуя образцу экономической теории, можно представить в виде «сложного сочетания двух элементов» [там же, 23]. В одной своей части теория – это «язык», с помощью которого разрабатываются «систематические и организованные способы аргументации» (А.Маршалл). В другой части теория есть «набор содержательных гипотез, вычленяющих черты сложной реальности». Значимая и продуктивная научная гипотеза, как правило, утверждает, что для понимания конкретного класса явлений, в нашем случае, предпринимательских, определенные факторы важны, а другие можно не принимать во внимание. С помощью гипотезы происходит схематизация или идеализация изучаемой реальности и конструируется абстрактный (идеальный) объект. Гипотезы, тем самым, позволяют очертить пространство изучаемой предметной реальности и давать «правильные и значимые (т.е. не являющиеся трюизмами) предсказания относительно еще не наблюдавшихся явлений» [там же, 23].

Например, гипотеза рыночной природы предпринимательства устанавливает «объектную структуру» предпринимательства в виде континуума рыночных предпринимательских практик. Что собой представляют или могут представлять эти практики должно выясниться из анализа функционирующих рынков. Рассматривая предпринимательство как элемент таких рынков, оказывается возможным напасть на «след» сущности предпринимательства, установив его основную функцию. В нашем понимании – это арбитражная функция. По результатам анализа рыночного функционирования предпринимательства выстраивается и весь категориальный ряд, предназначенный для описания предметной области предпринимательства, в виде сущности предпринимательства и ее производных. Тем самым выясняется и структура развитого понятия

предпринимательства, опирающаяся на «простую и фундаментальную структуру» предпринимательства, способную работать как «аналитическая машина» для объяснения всего предпринимательского феномена.

Современная экономическая теория, по выражению Р.Л Хейлбронера, уже «осознала себя» «как аналитическую дисциплину» [Хейлбронер, 1993, 54] и даже убедила в этом общественность. Уже популяризаторы науки и публицисты систематически напоминают об этом своими высказываниями вроде такого: «В данном случае (оптимизация налогов – авторы), как и во всех прочих, экономика не дает нам «верного ответа». Она предлагает лишь аналитическую структуру для осмысления и понимания важных вопросов...» [Уилэн, 2005, 61].

Представлять экономическую теорию в целом в виде инструмента или набора инструментов, даже «ящика с инструментами» – давняя традиция, особенно отчетливо сформулированная А. Маршаллом, Дж. М. Кейнсом, Дж. Робинсон. Она достигает вершины своего развития в экономическом империализме Г. Беккера. Отличительная черта современного экономического мышления состоит в построении «последовательных дедуктивных суждений, соединенных с упрощенными моделями типа «спрос и предложение» [там же, ХУ11]. При этом любая категория, поставленная в начало «последовательных дедуктивных суждений», приобретает тем самым аналитическое значение, служит готовым инструментом экономического анализа. Важное требование к элементам рассматриваемой дедуктивной цепочки – их согласованность, непротиворечивость.

Если отдельные категории или фрагменты теории сравнительно легко превращаются в инструменты анализа, то для преобразования теории в целом в «простую и фундаментальную структуру» и использования ее в качестве аналитической «машины», необходимо проделать предварительную работу, которая состоит в построении специальных моделей, например, той же упомянутой выше модели «спрос и предложение». «Ни одна теория, настаивает в связи с этим Б.С. Грязнов, – не может (как уже отмечалось – А.М.) непосредственно сопоставляться с самой действительностью. Различного рода модели и модельные представления – это связующее звено между действительными объектами исследования и теоретическим построением» [Грязнов, Дынин, Никитин, 1973, 89]. Самой продуктивной и известной моделью подобного рода, используемой в экономической теории, служит так называемый «экономический подход», связанный с именем Г. Беккера. Данный подход, по мысли его создателей и последователей, дает самую общую схему, построенную по принципу «издержки – выгоды», для понимания человеческого поведения в целом, безгранично разнообразного множества проблем общества.

В-пятых, представленная выше схема построения теоретического знания соответствует этапу развитого состояния научного знания, которое организуется или в виде системы соответствующих категорий, или на основе, по меньшей мере, в принципе уже сформированного основного понятия его предметной области. Но, если на стадии формирования понятия основной и обобщающей аналитической процедурой, как мы видели, является идеализация, то уже при «готовом» понятии на передней план аналитики выдвигается использование для анализа уже имеющейся теоретической структуры или объясняющая функция теории. Само понятие или сформированная теория в целом со всеми своими фрагментами, в том числе моделями, работает как аналитическая машина, а остальные аналитические процедуры приспособляются к движению основного понятия, этих фрагментов и системы в целом. Соответственно, весь процесс движения теоретического познания происходит в форме поиска посредствующих звеньев между теоретической

сущностью и объясняемыми рыночными явлениями.

Дело в том, что простое «наложение» сущности предмета на изучаемые явления действительности неизбежно обнаруживает их систематическое несовпадение. «Чтобы понять, почему сущность предмета выступает на поверхности его в отличном от себя виде, необходимо, указывал Маркс, выявить ряд посредствующих звеньев между сущностью предмета и ее явлениями. Посредствующие звенья видоизменяют сущность предмета и от этого она уже является непосредственно людям не такой, какой она есть на самом деле.

Посредствующими звеньями, видоизменяющими сущность предмета, обычно является те конкретные условия, в которых проявляется сущность. Различные условия накладывают своеобразный отпечаток на сущность, в результате чего сущность и не совпадает с явлениями» [Вахтомин, 1963, 146].

В случае использования для аналитических целей основ предпринимательской теории, как мы уже отмечали, на роль всеобщей формы предпринимательства и основной познавательной схемы выдвигается арбитражная модель предпринимательской деятельности: извлечение прибыли в результате купли и продажи товаров. Арбитраж по своей сути совпадает с коммерческой направленностью предпринимательской деятельности и раскрывает тот способ, с помощью которого эта направленность обеспечивается, выдерживается и достигается: систематическая купля – продажа. В связи с этим напомним, что, по И.М. Кирцнеру, в рыночной системе координат «предпринимательство необходимо для открытия прибыльной возможности» [Кирцнер, 2001, 47] и любое «предпринимательское решение – несмотря на свой неизбежно спекулятивный характер – отражает его суждение о том, что возможность получения прибыли существует» [там же, 92]. И, следовательно, как исходные, так и последующие предпринимательские решения должны следовать этой возможности и искать пути ее реализации. Совокупность же подобных решений, состоящих из купли и продажи ресурсов и продуктов для последующих предпринимательских действий, формирует и образует целостный предпринимательский процесс, предпринимательский механизм, превращает рыночный процесс в предпринимательский.

При этом все многообразие предпринимательских решений и действий покрывается с помощью двух вариантов арбитража: 1) простая схема арбитража в виде купли товара по одной цене и последующей за этим продажей товара по более высокой цене; 2) сложная схема арбитража в виде разветвленной, многоуровневой и многопериодной последовательности предпринимательских решений. Здесь принципиально важно отстоять аналитическую систему – арбитражный подход, – которая инвариантно отображает действие предпринимательского механизма как для экономики простого рынка, так и для экономики сложной и производительной, в которой предприниматели составляют многопериодные планы, включающие использование капитала. Эта система анализа одинаково пригодна для предпринимательства, проявляющего себя как в краткосрочных движениях рынков, так и в долгосрочных эволюционных изменениях экономики.

Развитие простой арбитражной схемы происходит всякий раз, когда первоначальная покупка товара не сопровождается «окончательным обязательством его продать» (Кирцнер). Во всех подобных случаях открывается «простор для различных интерпретаций последовательности предпринимательских решений в зависимости от точки зрения долгосрочной или краткосрочной» о покупках других товаров и услуг, которые могут служить факторами производства в различных актах производства, с последующей продажей произведенных продуктов и услуг на других рынках. Но всегда, при любом стечении

обстоятельств с помощью своих решений предприниматель связывает множество рынков, выступает как их интегратор. По И.М. Кирцнеру, суть предпринимательской деятельности как раз «подразумевает одновременное присутствие на более чем одном «рынке» – фактически эта деятельность заключается в соединении различных рынков» [там же, 126]. Например, предприниматель – производитель соединяет в своей деятельности два типа рынков: рынки ресурсов (факторов производства) и рынки продуктов (конечных товаров и услуг).

В общем пространстве рынков любая предпринимательская деятельность, в чем бы она ни состояла, не может происходить вне связи с куплей и продажей ресурсов и других товаров и услуг, которая и обеспечивает, в конечном счете, прибыльный результат всей деятельности. Специфически предпринимательская способность заключается в «бдительном» комбинировании необходимых ресурсов, продуктов и услуг и стоящих за ними рынков. Вне подобной «бдительности» к конечной рыночной целесообразности вся система деятельности не будет воспроизводиться в рассматриваемой системе координат. Поэтому предпринимательское решение о найме всей комбинации факторов его деятельности, «таким образом, представляет собой первичное решение о найме, в конечном счете несущее ответственность за все факторы, которые прямо и опосредованно наняты для его проекта» [там же, 76]. Все «нанятые» факторы и стоящие за ними рынки как раз и составляют посредствующие звенья, участвующие в продуцировании целесообразного или приемлемого рыночного результата.

Рыночная форма предпринимательской деятельности не отменяет ни природный, ни технологический, ни организационный, ни социальный процессы, но включает их в свое движение и тем самым определяет необходимость их существования в формах рынка. Вся действительность общества втягивается в движение рынков и предпринимательства.

Необходимое и достаточное условие для коммерческой направленности и действия арбитражной схемы, ее воспроизводства, в том числе расширенного, как мы установили, состоит в наличии множества рынков или в идеале даже их бесконечного многообразия. Все остальные предпосылки для своей деятельности сам предприниматель достраивает самостоятельно, опираясь на свою бдительность к рыночным возможностям.

«Какую бы задачу вы не поставили, – пишет известный продюсер А.Е. Роднянский, характеризуя условия предпринимательской деятельности в сфере американской киноиндустрии, – обязательно есть компания, специализирующаяся на решении именно этого рода задач (и, следовательно, имеются уже готовые к использованию и разнообразные рынки – авторы). Например, если вы снимаете фильм со сценами на железной дороге, то вы обращаетесь в Fillmore & Western Railway Company, компанию – владелицу частной железной дороги и локомотивов, паровозов, электровозов всех возможных типов... С 1967 года практически все сцены в поездах снимались у Fillmore. И так с любой производственной потребностью: ее уже кто-то обязательно учел и создал под нее компанию, а если потребность действительно новая – например, после «Аватара» стало популярно 3D и у всех сразу возникла необходимость либо снимать в стерео, либо конвертировать в 3D, – то как грибы после дождя вырастут десятки компаний, готовых сделать, научить или, на худой конец, дать оборудование в аренду» [Роднянский, 2016, 231].

Следовательно, продюсер – предприниматель всегда, в основных моментах своей деятельности, стоит перед необходимостью отыскать рынки, на которых продаются требующиеся для этой деятельности ресурсы, в том числе и услуги, а затем еще и рынки для продажи полученных конечных результатов. Совсем иная ситуация возникает, если подобные рынки отсутствуют или только формируются и поэтому функционируют «неправильно», не

создавая импульсов для предпринимательской деятельности. В подобных случаях предприниматель, если он все же решается действовать, должен компенсировать отсутствие необходимых условий своими собственными усилиями или уповать на вмешательство государства, которое специально создаст или усилит стимулы для предпринимательской активности своей направляющей деятельностью.

Заключение

В-шестых, в качестве заключения. Как мы могли убедиться, понятие предпринимательства как аналитическая структура ни в одном пункте своего движения, как и в итоговых своих результатах, не выстраивается в виде завершенной структуры с фиксированным набором элементов. Обобщающая, синтетическая аналитическая структура понятия предпринимательства имеет скорее составной вид. Она выстраивается в непосредственной связи с движением самого понятия предпринимательства. Разные стадии движения развивающегося понятия предпринимательства создают необходимость и в разных элементах его аналитической структуры. На стадии формирования понятия предпринимательства основной аналитической процедурой является идеализация; на стадии применения или использования самого понятия основная познавательная процедура заключается в поиске посредствующих звеньев между сущностью предпринимательства и ее рыночными проявлениями. И до тех пор, пока понятие предпринимательства совершает движение и развивается, выстраиваясь в теоретическую систему, движется и его аналитическая структура в ритме самого понятия. Следовательно, аналитическая структура предпринимательства нигде и никогда не застывает в своем окончательном виде. Развивающееся понятие в своем движении с необходимостью реализуется и в качестве аналитической структуры, пока не будут исчерпаны его возможности для объяснения всего многообразия предпринимательского феномена. А далее необходимо будет повторить цикл движения понятия: выдвижение новой гипотезы, построение идеального объекта, определение сущности, выстраивание теории предпринимательства, исходя из этой сущности и далее до бесконечности.

Библиография

1. Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М. Анализ развивающегося понятия. М.: Наука, 1967. 440 с.
2. Библер В.С. Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. М.: Политиздат, 1975. 400 с.
3. Блауг М. Несложный урок экономической методологии // THESIS. 1994. Т. 11. Вып. 4. С. 53-68.
4. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
5. Вахтомин Н.К. О роли категорий сущность и явление в познании. М., 1963. 222 с.
6. Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П. Теория и ее объект. М.: Наука, 1973. 248 с.
7. Друкер П. Ф. Рынок: как выйти в лидеры. Практика и принципы. М.: booh chamber international, 1992. 352 с.
8. Зотов А.Ф. Структура научного мышления. М.: Политиздат, 1973. 182 с.
9. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960. 285 с.
10. Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 239 с.
11. Куайн У. Онтологическая относительность // Онтология. Тексты философии. М., 2012. С. 33-48.
12. Кузнецова Н.И. Наука в ее истории: методологические проблемы. М., 1982. 128 с.
13. Лекторский В.А. Вместо заключения // Деятельность: теории, методология, проблемы. М.: Политиздат, 1990. С. 351-361.
14. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 358 с.
15. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. М.: Республика, 1992. Т. 1. 399 с.
16. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. 288 с.
17. Мамардашвили М.К. Органы онтологии // Онтология. Тексты философии. М., 2012. С. 19-32.
18. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.

19. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000. 878 с.
20. Московцев А.Ф., Юрова О.В. Эвристическое значение понятия предпринимательства и его границы // Экономические науки. 2008. № 7. С. 91-94.
21. Печенкин А.А. Вводные замечания // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М.: Логос, 1996. С. 18- 40.
22. Роднянский А.Е. Выходит продсер. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 420 с.
23. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
24. Тарло Е. Требуется либерал-патриоты // Литературная газета. 2015. № 32.
25. Уилэн Ч. Голая экономика. М.: Олимп-Бизнес, 2005. 348 с.
26. Фадеев В. Вводная статья // Эксперт. 2015. № 30-34. С. 7-8.
27. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // ТЕЗИС. 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 20-52.
28. Хейлбронер Р.Л. Экономическая теория как универсальная наука // ТЕЗИС. 1993. Том 1. Вып. 1. С. 41-55.
29. Швырев В.С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М.: Наука, 1988. 176 с.
30. Щедровицкий Г.П. Процессы и структуры в мышлении (курс лекций). М., 2003. Т. 3. 320 с.

Entrepreneurship Analytics: The Concept of Entrepreneurship as an Analytical Framework

Aleksandr F. Moskovtsev

Doctor of Economics,
Professor of the Department of Management
and Finance of Production Systems,
Volgograd State Technical University,
400005, 28, Lenina ave., Volgograd, Russian Federation;
e-mail: afm1951@yandex.ru

Aleksandr S. Rogov

Postgraduate,
Moscow Finance and Industry University "Synergy",
125190, 80, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: olgatorzhinskaya@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of entrepreneurship as a developing scientific concept. The main task is to form a holistic idea of the phenomenon of entrepreneurship in the form in which it has historically developed and is reproduced in modern conditions in the unity of its structural, functional, organizational and instrumental forms. At the same time, it is generally impossible to highlight the specifics of the phenomenon of entrepreneurship without relying on theoretical thinking. In reality, the entrepreneurial function is intertwined with production, agriculture, trade, banking and other areas of application of entrepreneurship, distributed among many elements of the economic structure. Therefore, there is a need for a developed theoretical position – thinking about the entrepreneurial function in its «purity», that is, abstracting from all the elements accompanying this function or the abstraction of pure entrepreneurship, having formed and fixed it with certainty, it is possible to open the way for further specification or detailing the concept of entrepreneurship. As we can see, the concept of entrepreneurship as an analytical structure, at no point in its movement, as well as in its final results, is not built in the form of a complete structure with a fixed set of

elements. The generalizing, synthetic analytical structure of the concept of entrepreneurship has a rather composite form. It is built in direct connection with the movement of the very concept of entrepreneurship. Different stages of movement of the developing concept of entrepreneurship create the need for different elements of its analytical structure.

For citation

Moskovtsev A.F., Rogov A.S. (2023) Analitika predprinimatel'stva: ponyatie predprinimatel'stva kak analiticheskoi struktury [Entrepreneurship Analytics: The Concept of Entrepreneurship as an Analytical Framework]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 13 (12A), pp. 216-238. DOI: 10.34670/AR.2024.97.82.023

Keywords

Entrepreneurship, market, functions of entrepreneurship, analytical structure, scientific concept, phenomenon, analytical structure, entrepreneurial activity.

References

1. Arsen'ev A.S., Bibler V.S., Kedrov B.M. (1967) *Analiz razvivayushchegosya ponyatiya* [Analysis of the developing concept]. Moscow: Nauka Publ.
2. Bibler V.S. (1975) *Myshlenie kak tvorchestvo. Vvedenie v logiku myslennogo dialoga* [Thinking as creativity. Introduction to the logic of mental dialogue], Moscow: Politizdat Publ.
3. Blaug M. (1994) Neslozhnyi urok ekonomicheskoi metodologii [Classical and non-classical ideals of rationality]. *TEZIS [THESIS]*, 11, 4, pp. 53-68.
4. Drucker P.F. (1992) *Rynok: kak vyiti v lidery. Praktika i printsipy* [The market: how to become a leader. Practice and principles]. Moscow: booh chamber international Publ.
5. Fadeev V. (2015) Vvodnaya stat'ya [Introductory article]. *Ekspert* [The expert], 30-34, pp. 7-8.
6. Friedman M. (1994) Metodologiya pozitivnoi ekonomicheskoi nauki [Methodology of positive economics]. *TEZIS [THESIS]*, 2, 4, pp. 20-52.
7. Gryaznov B.S., Dynin B.S., Nikitin E.P. (1973) *Teoriya i ee ob"ekt* [Theory and its object]. Moscow: Nauka Publ.
8. Heilbroner R.L. (1993) Ekonomicheskaya teoriya kak universal'naya nauka [Economic theory as a universal science]. *TEZIS [THESIS]*, 1, 1, pp. 41-55.
9. Il'enkov E.V. (1960) *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v «Kapitale» Marksa* [The Dialectic of the Abstract and the Concrete in Marx's Capital]. Moscow.
10. Kirzner I. (2001) *Konkurentsiya i predprinimatel'stvo* [Competition and entrepreneurship]. Moscow: YuNITI-DANA Publ.
11. Kuznetsova N.I. (1982) *Nauka v ee istorii: metodologicheskie problemy* [Science in its history: methodological problems]. Moscow.
12. Lektorskii V.A. (1980) *Sub"ekt, ob"ekt, poznanie* [Subject, object, cognition]. Moscow: Nauka Publ.
13. Lektorskii V.A. (1990) Vmesto zaklyucheniya [Instead of a conclusion]. In: *Deyatel'nost': teorii, metodologiya, problemy* [Activity: theories, methodology, problems], Moscow: Politizdat Publ.
14. Mamardashvili M.K. (2010) *Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti* [Classical and non-classical ideals of rationality]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus Publ.
15. Mamardashvili M.K. (2011) *Formy i sodержanie myshleniya* [Forms and content of thinking]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus Publ.
16. Mamardashvili M.K. (2012) Organy ontologii [Organs of ontology]. In: *Ontologiya. Teksty filosofii* [Ontology. Texts of philosophy]. Moscow.
17. McConnell K.R., Brew S.L. (1992) *Ekonomiks: printsipy, problemy i politika* [Economics: principles, problems and policies]. Moscow: Respublika Publ. Vol. 1.
18. Mises L. (2000) *Chelovecheskaya deyatel'nost'. Traktat po ekonomicheskoi teorii* [Human activity. A treatise on economic theory]. Moscow: Ekonomika Publ.
19. Moskovtsev A.F., Yurova O.V. (2008) Evristicheskoe znachenie ponyatiya predprinimatel'stva i ego granitsy [Heuristic meaning of the concept of entrepreneurship and its boundaries]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences], 7, pp. 91-94.
20. Pechenkin A.A. (1996) Vvodnye zamechaniya [Introductory remarks]. In: *Sovremennaya filosofiya nauki: znanie, ratsional'nost', tsennosti v trudakh myslitelei Zapada* [Modern Philosophy of Science: Knowledge, Rationality, Values in the Works of Western Thinkers]. Moscow.

21. Quine W. (2012) Ontologicheskaya otnositel'nost' [Ontological relativity]. In: *Ontologiya. Teksty filosofii* [Ontology. Texts of philosophy]. Moscow.
22. Rodnyanskii A.E. (2016) *Vykhodit prodyuser* [The producer comes out]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ.
23. Shchedrovitskii G.P. (2003) *Protsessy i struktury v myshlenii* [Processes and structures in thinking]. Moscow. Vol. 6.
24. Shvyrev V.S. (1988) *Analiz nauchnogo poznaniya: osnovnye napravleniya, formy, problem* [Analysis of scientific knowledge: main directions, forms, problems]. Moscow: Nauka Publ.
25. Stepin V.S. (2006) *Filosofiya nauki. Obshchie problemy* [The philosophy of science. Common problems]. Moscow: Gardariki Publ.
26. Tarlo E. (2015) Trebuyutsya liberal-patrioty [Liberal patriots are required]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], 32.
27. Vakhtomin N.K. (1963) *O roli kategorii sushchnost' i yavlenie v poznanii* [On the role of the categories essence and phenomenon in cognition]. Moscow.
28. Wallerstein I. (2003) *Posle liberalizma* [After liberalism]. Moscow: Editorial URSS Publ.
29. Wheelan C. (2005) *Golaya ekonomika* [The Naked Economics]. Moscow: Olimp-Biznes.
30. Zotov A.F. (1973) *Struktura nauchnogo myshleniya* [The structure of scientific thinking]. Moscow: Politizdat Publ.